

Глава 8

Брачная ночь

На супружеском ложе, под опущенным пологом, Цзянь Жу незаметно сжал в ладони горсть рассыпанных по шёлку фиников и арахиса. Красные свечи ещё горели, их трепетный свет тускло озарял две свадебные накидки, висевшие на ширме.

Ночь была глубокой и тихой. Лишь изредка издалека доносился собачий лай, который, впрочем, тут же стихал. Лежавший рядом человек тоже молчал, и только его ровное, едва слышное дыхание нарушало тишину.

Их плечи не соприкасались, но они лежали так близко, что Цзянь Жу чувствовал, как тепло чужого тела просачивается сквозь тонкую ткань нижней рубахи. В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат — тот самый, что он ощутил в тот день в поместье, когда впервые встретил второго молодого господина.

Взгляд Цзянь Жу скользнул со свадебных одеяний на пламя свечи. Он подумал, что пора бы её погасить. Осторожно разжав кулак, он уже собрался было приподняться, но его сосед пошевелился. Цзянь Жу тотчас замер, и всё его тело напряглось.

Однако второй молодой господин лишь потянул одеяло повыше.

— Жарко? — спросил он. — В моих покоях всегда топят сильнее, и одеяла у меня тёплые.

Цзянь Жу почувствовал на себе его взгляд, но, смутившись, не решился повернуть голову и, уставившись в потолок, тихо ответил:

— В самый раз. Я тоже люблю, когда потеплее.

— Вот и хорошо, — сказал второй молодой господин.

После этих слов неловкость, витавшая под пологом, немного рассеялась.

— Ты ужинал? Не голоден? — снова спросил он.

— Нет, — ответил Цзянь Жу. — Бабушка Цзинь приносила мне еду.

— Сегодня был долгий, утомительный день. Ты, должно быть, устал?

— Вовсе нет. Дома я один обрабатывал семь му земли. В страду вставал до рассвета и возвращался, когда солнце уже садилось. Если был голоден — ел лепёшки, если мучила жажда — пил воду из ручья. Я привык.

— Ты очень трудолюбив, — с восхищением произнёс второй молодой господин. — У меня тоже есть земля, но старшая сестра сдаёт её в аренду. Я ни разу не возделывал её сам.

— Мы с тобой разные, — сказал Цзянь Жу. — Ты грамотен, знаешь врачевание. Работа в поле — не твоё дело.

— Разве можно так говорить? Матушка рассказывала, что в детстве я был большим проказником, не то что мои братья и сёстры, которые могли часами корпеть над книгами. Если бы не постоянные болезни, из-за которых я не мог выйти из дома и был вынужден читать медицинские трактаты, из меня, возможно, тоже получился бы умелый земледелец.

Цзянь Жу невольно представил себе эту картину: изящный, бледный второй молодой господин под палящим солнцем, с мокрым от пота лицом, неуклюже орудует мотыгой. Образ был настолько нелепым, что он не сдержался и тихо рассмеялся. Его смех заразил и второго молодого господина.

Цзянь Жу повернул голову. В тусклом свете свечи лицо мужа казалось особенно красивым: глаза смеялись, губы были алыми, а зубы — белоснежными. Он засмотрелся, на миг позабыв обо всём на свете. Ему даже захотелось коснуться уголка его губ, но, едва подняв руку, он тут же опомнился и отдернул её.

Второй молодой господин смотрел на него, его взгляд скользнул по алому рукаву свадебной одежды, и он, словно что-то вспомнив, спросил:

— В тот день в пещере... я был не в себе, но смутно помню, что на тебе была женская свадебная одежда.

Услышав это, Цзянь Жу помрачнел. Он отвернулся и, опустив глаза, замолчал.

Второй молодой господин терпеливо ждал. Спустя некоторое время Цзянь Жу наконец заговорил:

— В деревне было наводнение. Меня... меня бросили в реку в качестве жертвы речному богу.

— Что? — изумился тот. — Я думал, ты, как и я, случайно упал в воду...

Цзянь Жу покачал головой и, тяжело вздохнув, подробно рассказал обо всём, что с ним случилось, начиная с того дня, как его выбрали в жертвы, и заканчивая возвращением из поместья. Он умолчал лишь о своих чувствах к Цзян Маоцаю. Во-первых, он считал, что сейчас не время для подобных признаний, а во-вторых, ему было слишком стыдно.

— Какое беззаконие! — с гневом воскликнул второй молодой господин, выслушав его рассказ. — Вместо того чтобы искать способы усмирить реку, они губят невинных детей!

Он так разволновался, что даже закашлялся.

Цзянь Жу хотел было встать и принести ему воды, но тот остановил его вопросом:

— Ты знаешь, что стало с теми двумя, что сбежали?

— Нет, — ответил Цзянь Жу и холодно усмехнулся. — Но они обязательно вернутся. Чжан Цзяо хоть и из бедной семьи, но настоящих трудностей не знал. Денег у них с собой было немного, а жизнь в бегах, с платой за ночлег и еду, быстро истощит их запасы. К тому же Чжан Цзяо постоянно болеет, а это расходы на лекарей и лекарства. Да и характер у него такой, что он вечно требует к себе внимания. Каким бы умелым ни был Цзян Маоцай, он долго не выдержит.

Цзянь Жу высказал всё, что было у него на душе, с нескрываемым злорадством, и лишь потом понял, насколько недобрым прозвучал его голос. Он с тревогой взглянул на второго молодого господина, боясь увидеть в его глазах осуждение.

Но тот смотрел на него без тени отвращения. Он лишь с облегчением вздохнул.

— Эти двое совершили зло, и рано или поздно их постигнет возмездие. Хорошо, что ты выжил. Судьба непременно вознаградит тебя за перенесённые страдания.

Цзянь Жу с облегчением понял, что его слова не вызвали у мужа неприязни.

— Бабушка Цзинь говорила, что по дороге из деревни ты плакал, — помолчав, мягко продолжил второй молодой господин. — Тебе... было жаль расставаться с прошлой жизнью?

Цзянь Жу не знал, что тот имел в виду, догадался ли он о чём-то.

— Я... я... — пробормотал он.

В этот миг одеяло рядом с ним зашевелилось, и тёплое тело придвинулось ближе. Цзянь Жу обернулся и увидел, что второй молодой господин повернулся на бок и смотрит на него.

— Отныне я буду беречь тебя, — сказал он.

Щёки Цзянь Жу вспыхнули. Боясь, что шрам на его лице от этого станет ещё заметнее, он отвернулся.

Но его руку, лежавшую на покрывале, тут же накрыла тёплая ладонь.

— Ты знаешь, как меня зовут? — тихо спросил мужчина.

Цзянь Жу, не отрывая взгляда от пляшущего пламени свечи, кивнул.

— Тебя... зовут Ли Цзиньтун.

— А как ты должен меня называть? — снова спросил тот.

Цзянь Жу прикусил губу и с трудом выговорил:

— Цзинь... Цзиньтун.

Второй молодой господин, кажется, улыбнулся.

— И так можно, — сказал он, но, помолчав, добавил, словно этого было недостаточно: — А ещё?

Цзянь Жу всё понял.

— Му... муж, — прошептал он.

— Да, — отозвался тот.

Цзянь Жу смущённо закусил губу. Он почувствовал, как рука мужа отпустила его ладонь, и в груди шевельнулось лёгкое сожаление. Но в следующее мгновение второй молодой господин, оперевшись на локоть, навис над ним.

— Я... я сначала погашу свечу... — торопливо пробормотал Цзянь Жу, упираясь руками ему в грудь.

Но второй молодой господин, казалось, не прикладывал усилий, чтобы удержаться, и всё же его вес не давал Цзянь Жу сдвинуться с места.

В голове у него царил полный сумбур. С одной стороны, его беспокоила непогашенная свеча, с другой — в памяти всплывали наставления бабушки Цзинь о позах и уловках.

Он дрожал от напряжения, и слёзы стыда уже готовы были хлынуть из глаз.

Лицо второго молодого господина уткнулось ему в шею, обжигая кожу горячим дыханием.

— Прости, — прошептал он, и голос его прозвучал глуше обычного.

Цзянь Жу, не отрывавший взгляда от свечи, удивлённо моргнул, не понимая, за что тот извиняется.

— Сегодня вечером я должен был... — начал второй молодой господин и вдруг умолк.

Цзянь Жу не выдержал и повернул голову, чтобы посмотреть на него.

— Позови кого-нибудь... — прошептал тот ему в самое ухо.

— Что? — не понял Цзянь Жу.

В тот же миг тело на нём вдруг обмякло, и второй молодой господин рухнул на него всей своей тяжестью.

Цзянь Жу замер на мгновение, а потом, поняв, что случилось, в панике с трудом оттолкнул его. Второй молодой господин лежал с плотно закрытыми глазами, его лицо горело неестественным румянцем. Он был без чувств.

<http://bllate.org/book/13681/1212217>